

Kahn A. Pushkin's Lyric Intelligence. Oxford University Press. 2008. 389 с.

Заглавие этой книги, если кто-то задастся целью перевести ее на русский (что было бы не дурно), доставит хлопот переводчикам. «Intel-ligence» – это все-таки не «ум» (вполне пуш-кинское слово), не гершензоновская «муд-рость», не буквальная «интеллигентность», а, как следует из текста, скорее «умственные спо-собности», в данном случае – способность к восприятию, освоению новых, прежде всего, философских и эстетических идей, их само-стоятельной переработке и практической реали-зации.

Автор исследования ставит перед собой за-дачу переосмыслить содержание лирики Пуш-кина через призму европейской философской и эстетической мысли, соотнося смену просту-пающих в ней идей с кругом его чтения, огра-ниченным по преимуществу составом личной библиотеки.

Восемь глав книги – Традиционность и ори-гинальность. Изобретение и гений. Значение красоты. Тайное воображение (еще одна задачка: reticent – скрытное, молчаливое, сдержан-ное). Природа и романтическая субъективность. Гений и коммерческая составляющая поэзии. Герой. Тело и душа – организованы по темати-ческому принципу. Вместе с тем в последова-тельности и развертывании содержания каждой из глав сохраняется хронологический подход. Идея, фундирующая целостность книги, рас-крывается в аргументированном исследовании происходящего в пушкинской лирике перехода от классицистической картины мира к романти-ческой, но сохраняющей на уровне стилистики верность классицистической ясности.

Общая установка и подход не отличаются явной оригинальностью. Мыслительные воз-можности Пушкина были оценены уже наиболее проницательными из его современников; о «всемирной отзывчивости» Пушкина, подразумевающей способность впитывать и осваивать все то, что выработала мировая культура, ска-зал Ф. Достоевский; о «классицизме, поднов-ленным романтизмом» в связи с «Полтавой» – В.Белинский. Вся эта проблематика неодно-кратно становилась предметом рассмотрения в многочисленных статьях и монографиях.

Специфика работы Э.Кана состоит в прило-жении к пушкинским текстам новой, вырабо-танной современным литературоведением мето-дологии. Отмечая постоянство пушкинского концептуального словаря, заимствованного у

европейской эстетики, Э.Кан исследует измене-ния его семантической наполненности. Предмет своего изучения автор определяет как «мышле-ние через лирику» (что неуклюже звучит по-русски, но точнее, чем «лирическое мышле-ние»). Анализируя стихотворения, он стремит-ся понять и объяснить, когда и какой смысл вкладывает Пушкин в такие понятия, как «изо-бретение», «воображение», «память», «жела-ние», «сила», «слава», «мечта»... Изменение семантики слова становится показателем пуш-кинской эволюции.

Признаками классицистической ориентации служат приверженность к традиции и «изобре-тению», подразумевающему рациональный под-ход к творчеству, а также склонность к ано-нимности и имитации готовых жанровых форм и стилистических образцов. О намечающемся переходе к романтизму свидетельствуют пере-осмысление понятия «красоты», зарождение поэтической субъективности, рефлексии и до-верия к воображению.

Каждая глава начинается обзором как исто-рической и биографической ситуаций, так и истории идей и понятий, значение которых вы-является в последующем «пристальном чте-нии». Прилагаемая библиография включает в себя впечатляющий список трудов английских, французских, немецких авторов по истории идей и работы русских пушкинистов биографи-ческого, текстологического и поэтологического характера. В отношении анализа репрезенти-рующих концепцию текстов, Э.Кан придержи-вается установки на самостоятельность, демон-стрируя тонкое понимание многообразия смы-слов (например: «судьба», «рок», «доля»).

«Пристальное чтение» дает свои результаты, особенно в отношении хрестоматийных и как будто вполне прозрачных текстов. В стихотво-рении «Муза» Э.Кан обнаруживает описание «музыкального урока», необходимого начи-нающему поэту для обучения «внушенным бо-гами» гимнам и «шлифовке искусства изобре-тения» (с. 53). В стихотворении «В часы забав и праздно скуки...» прослеживает, как поэт, играющий на лире, сам становится инструмен-том серафима, подобным его арфе. Оба стихо-творения рассматриваются в одном аспекте – через конфликт классицистических и романти-ческих импульсов. В первом, программном с точки зрения Э.Кана, преобладает дидактиче-ское начало (хотя наука музыки в данном случае

еще и «наука любви»), во втором – угроза утраты идентичности под воздействием романтического вдохновения (хотя отсюда бы прямой путь к сопоставлению с «Поэтом»).

Вопрос о самоидентификации один из самых сложных и спорных в отношении Пушкина. Справедливо соотнося протеизм Пушкина с диктатом жанровых установок, Э.Кан интерпретирует его как способ маскировки недостаточной самоидентификации. Обретение идентичности прослеживается в процессе формирования в лирике своего рода моделей для подражания: поэт-герой – Андре Шенье, философский и этический герой – П.Чаадаев, действующий герой – Наполеон. При этом отсутствует единый героический тип (с. 118), способный стать идеалом для самоопределения. Вот эта децентрированность и признается русской культурой за основу пушкинского гения. Ф.Достоевский назвал ее «всечеловечностью», В.Соловьев – отсутствием «господствующего центрального содержания личности», А.Синявский – «пустотой», без которой он «был бы не полон». «Пустота» способствует «восприимчивости» творца и не препятствует целостности человека – в пушкинские времена эти две ипостаси умели разделять. Актуальная в современной культуре проблема идентичности, тогда была вопросом гармонии – сбалансированного равновесия разнообразных начал.

Влияние европейской культуры – философии, эстетики, поэзии – на Пушкина неоспоримо, тщательность и доскональность аргументации заимствований привлекательна, но иногда избыточна. Возводить слово «ничтожество» («Дар напрасный, дар случайный...») к Вольтеру, а «равнодушно» («Под небом голубым страны своей родной...») – к терминологии стоиков остроумно, но чрезмерно.

Устанавливая источники воздействия западной мысли на формирование пушкинского мышления, Э.Кан отмечает, что Пушкин читал, по свидетельству заметок на полях книг из его библиотеки; что мог читать, так как книги в библиотеке присутствовали; что должен был читать, поскольку идеи были популярны, и отражение их может быть выявлено в пушкинских текстах. Материалы, представленные и рассмотренные Э.Каном, интересны, полезны и заслуживают дальнейшего исследования. Но способность к мышлению предполагает самостоятельность суждения, позволяющую выработать собственную философию. Возможно, эпикурейство и стоицизм в ранних стихах Пушки-

на – действительно результат ученических стилизаций, тогда как готовность принимать историю такой, «какой бог нам ее дал» (из письма Пушкина к Чаадаеву), есть врожденное и всей жизнью подтвержденное свойство личности. Здесь, скорее, хочется встать на сторону Н.Мазур, точку зрения которой Э.Кан оспаривает (с. 279).

Если говорить о поэтических влияниях, то фоном для сопоставления служит история английской поэзии: «подобно» Вордсворту, Кольриджу, Байрону или «в отличие» от Вордсворта, Кольриджа, Байрона... В результате читатель получает четкое представление о том, кем не был Пушкин, несмотря на цитирование, подражание, заимствования, а, следовательно, Пушкин остается тем, кто есть – до конца неопостижимым и, безусловно, великим. Романтики ценили трансцендентность как выход за пределы возможного опыта; Пушкин – метафизику познающего себя бытия. А.Синявский сказал, что Пушкин пародировал литературу «голосом жизни», и это функция любой неэпигонствующей поэзии по отношению к предшественникам.

Книга Э.Кана, конечно, обращена, прежде всего к англоязычному читателю, которому необходимо объяснить ход русской истории, подробности пушкинской биографии, сложность отношений с властью, борьбу за возможность профессионального существования. Она тем более необходима, что по замечанию автора, на английском языке не существует исследования, посвященного исключительно лирике Пушкина. Не менее полезен «Кэмбриджский путеводитель по Пушкину» (The Cambridge Companion to Pushkin, 2006), составленный Э. Каном. Это сборник статей известных в мире литературоведения авторов (Д.Бетеа, К.Эмерсон, О.Проксурин, Б.Гаспаров и др.), посвященных биографии Пушкина; его лирическим, эпическим и драматическим произведениям; воплощению его произведений в музыке и киноискусстве; его оценке в литературоведении советского периода и критике русского зарубежья. Такого издания, к сожалению, нет у нас.

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой
русской и зарубежной литературы
Пермского государственного
педагогического института

Н. А. Петрова